

УДК 94(47)"18/19"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>

Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Федеральный исследовательский центр

«Казанский научный центр РАН»

Казань, Российская Федерация

В статье рассматриваются повседневные практики татарских семей в сфере детства. Обозначены традиционные моменты в уходе за младенцами, обусловленные мусульманским мировоззрением. Автор подчеркивает, что у татар и наблюдателей со стороны были разные взгляды на организацию ухода за детьми. Образованные татары были настроены критично к собственным традициям. В статье обозначены основные домашние помощники по уходу за детьми: кормилицы, няни, старшие дети; анализируются различные стратегии при выборе нянь, оценка их работы в эго-документах, возрастные и этнокультурные особенности. Кроме того, статья включает эпизод, связанный с конструированием татарскими публицистами начала XX в. новых терминов по педагогике.

Ключевые слова: история повседневности, история детства, няни, татарский язык, история татар

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>

Финансирование: Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Введение. К рубежу XIX–XX столетий сформировалось единое социально-экономическое и культурное пространство, объединившее татар всей Российской империи. Все это было связано с собственной системой образования и литературой, периодической печатью, благотворительностью, новыми формами культурного досуга. Ориентир на модернизацию трансформировал уклад людей, менялся их внешний облик и поведение, этими изменениями были охвачены даже дети.

Между тем, этот аспект истории татарской повседневности остается малоизученным, так как исследователи никогда и не ставили перед собой такую цель – изучение уклада татарских семей с новорожденными детьми в условиях модернизации экономики и трансформации привычных социальных взаимоотношений. Исключение составляли лишь этнографы, но имевшиеся в их арсенале научные знания об уходе за детьми в XIX в., главным образом, были направлены на реконструкцию обрядовой культуры [12, с.502–509].

Поэтому наше небольшое исследование базировалось преимущественно на источниках личного происхождения. Это и татарское публицистическое наследие рубежа XIX–XX вв., которое знакомит с социальными стандартами и идеалами того времени [8; 11; 14; 16], а также записки русских современников (этнографические, медицинские наблюдения). Кроме того, изучение повседневности невозможно представить без эго-документов (мемуаров, автобиографий) и визуальных материалов, в которых в разной степени нашли отражение и вопросы детства [9; 13].

Все это вкупе позволило нам не столько представить детальное описание ухода за младенцами в татарских семьях, сколько выявить некоторые проблемы этого периода.

Разные взгляды на традиции и женская уязвимость. Татарские традиции XIX в. по уходу за новорожденными и младенцами, с одной стороны, были схожи с элементами соседних культур: привлекались разные помощники, ребенка пытались защитить суеверными предписаниями, оберегами и различными обрядами. Особенно важным считался первый 40-дневный период жизни новорожденного [12, с.502–505]. С другой стороны, повседневность большинства татар того времени регулировалась мусульманским мировоззрением, поэтому были и особенности. С исламом связаны важные обряды в жизни ребенка (имянаречение, обрезание и т.д.), а также другие стороны его повседневности. Например, по Корану предписывается долгое грудное вскармливание (больше 2-х лет), поэтому матери практически не оставляли грудничков, имелись даже различные приспособления для мобильности матери и ребенка. Новорожденного укладывали не только в зыбки, а в люльку с ручками и носили с собой. В Заказанье были распространены оригинальные двухколесные тележки (*бала арбасы*). Грудничков матери брали с собой и на полевые работы. Такой уход увеличивал процент выживаемости среди детей татар, неслучайно данная традиция была подмечена и земскими медиками. Например, врач из Казанского уезда Алексей Сухарев в 1904 г. писал: «Дети татарского населения воспитываются очень недурно, причем в заботах о ребенке принимает участие и сам отец. Жовок и излюбленных баранок (сушек) татарченок видит редко» [10, с.75].

Вместе с тем сами татары больше критиковали собственный уклад, в том числе особенности воспитания. Критически оценивалось практически все: от ухода за младенцами и выбора нянь для них до роли матерей и от-

цов в воспитании детей [8, б.13]. Такая критика и вместе с ней стремление изменить традиции шли сквозь все дореволюционные годы, здесь были намешаны разные эмоции – это и комплекс человека иной культуры, вынужденного жить в условиях модернизации, и зарождающееся национальное самосознание, стремление воспитать новое поколение детей нации. Поэтому вопросам воспитания и образования в начале XX в. придавалось огромное значение.

Еще в 1900 г. в Казани на татарском языке была издана брошюра «Благонравный/Воспитанный отец», эта брошюра потом переиздавалась несколько раз. Предполагаемым автором книги считается предприниматель Ибрагим Идрис. Автор приводил разные сведения по уходу за ребенком (пеленание, прикорм и т.д.), некоторые из них актуальны и ныне. Но все эти советы должна была выполнять женщина (мать или няня), отец лишь контролировал процесс и давал необходимые указания [8, с.12]. Были и другие подобные пособия для мужчин. Образ заботливого отца с ребенком представлен и в татарских азбуках начала XX в. В целом, даже критика отцовской роли (причем критиками выступали сами мужчины) говорила о большом внимании к теме детства, но все это шло вкупе с образами идеального будущего нации.

Между тем, основные надежды в воспитании детей были связаны с женщинами. В этот период, на рубеже XIX–XX вв., появляется татарская модернистская литература, где начинает формироваться образ матери – доброй, заботливой, любящей женщины. Например, в знаменитом стихотворении Габдуллы Тукая «Туган тел» («Родной язык»), опубликованном в 1909 г., мать поет младенцу колыбельную, а бабушка рассказывает истории («*әнкәм бишектә көйләгән*», «*әбкәм хикәят сөйләгән*»). На самом деле эти традиционные образы были характерны не для всех женщин, так как они оставались довольно уязвимой социальной группой: умирали при родах и от сопутствующих заболеваний – не все доживали до статуса бабушек. Например, в жизни Г.Тукая все было не так, как в его стихотворении: ни одной из бабушек к моменту его рождения не было в живых, а мать умерла, когда ему было около 3-х лет.

В пореформенное время появляются попытки как-то повлиять на это плачевное положение: развивалась земская медицина, и образованные семьи все чаще прибегали к помощи медиков. Очень показательно, что в 1912 г. по инициативе Мусульманского благотворительного общества г. Казани открылось родовспомогательное лечебное учреждение для мусульманок. Это говорит об остроте социальной проблемы и о попытках охраны материнства и детства. Открытие мусульманского роддома (*вилядәтханә*) было встречено образованными татарскими женщинами положительно. Например, в 1913 г. учительница Магруй Музаффария отметила в одной газетной публикации, что в учреждении работают грамотные акушерки, и образованные женщины начали полагаться на них, вместо повивальных бабок [16, с.269]. Но это была лишь единичная попытка

помощи татаркам-мусульманкам Российской империи, которая не могла решить проблему высокой материнской смертности.

Основные помощники в уходе за детьми. Возрастные и этнокультурные аспекты. Для присмотра за младенцами на рубеже XIX–XX вв. в татарских семьях привлекали разных помощников. Это были не только родственники, но и наемные люди, которые за свою услугу получали определенное вознаграждение. Развитие трудовых отношений в этой сфере освобождало женщин из буржуазных семейств от домашних обязанностей и давало возможность для реализации собственных идей, в том числе в общественной жизни. Например, показателен пример Фатихи Аитовой, супруги казанского купца Сулеймана Аитова. Она состояла в браке с ним с 1887 г. и стала матерью шестерых сыновей: Исмагил – 1888 г.р., Ибрагим – 1892 г.р., Юсуп – 1894 г.р., Даут – 1896 г.р., Касим – 1903 г.р., Якуб – 1910 г.р.¹ Несмотря на многодетность, Фатихе Аитовой удавалось энергично заниматься продвижением и реализацией идеи татарской женской школы в Казани. Уже в советское время в своей автобиографии она писала о том, что «узкая домашняя жизнь с заботами о хозяйстве, о воспитании детей, жизнь, посвященная интересам замкнутой семьи, меня не удовлетворяла. Я всегда чувствовала в себе силы, энергию и любовь к деятельности, направленность на общественное благо»². Конечно, это была советская репрезентация собственного пути, попытка отгородить себя от буржуазного прошлого, тем не менее, в этом имелась и доля истины. На самом деле Фатиха много сил и времени тратила на деятельность вне семьи. Женская начальная школа была организована ею в 1897 г. (кстати, именно в этот год у Аитовых умер годовалый сын Даут) и к 1916 г. выросла до статуса частной гимназии. Надо полагать, в домашних делах Фатихе Аитовой помогала не только собственная мать (она переехала из Троицка после 1906 г.), но и наемные помощницы.

«Шариат дает право женщинам еще больше, нежели мужчинам, – писал чистопольский купец и депутат Государственной думы Гариф Бадамшин в 1909 г. в брошюре «Мусульманство, или ответ тем, кто нападает на мусульманство», – он допускает даже нанимать посторонних служанок, например, кормилицу, в помощь женщине, родившей дитя»³. Действительно, не все женщины в силу слабого здоровья или же многодетности могли обеспечить долгое грудное вскармливание. Для этого состоятельные семьи звали кормилиц, которых в XIX в. называли «*сет анасы*» («молочная мать»). Интересно, что в средневековый ханский период к кормилицам обращались также словом «*дая*». Например, вот какие требования к таким помощницам предъявляла в 1898 г. уроженка Царевококшайского

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.3. Оп.1. Д.14790. Л.15.

² ГА РТ. Ф.74. Оп.1. Д.1. Л.2–3.

³ ГА РТ. Ф.969. Оп.1 Д.47. Л.21 об.

уезда Казанской губернии, ставшая супругой муллы из Касимовского уезда Рязанской губернии, публицистка Галимательбанат Бикtimiрия. По ее мнению, кормилица должна обладать хорошим здоровьем, быть нравственной, доброй, приветливой женщиной от 25 до 30 лет, с всегда позитивным эмоциональным состоянием [11, с.33]. На практике получалось по-разному. Так, помощница-кормилица была у супруги казанского купца Салиха Губайдуллина. Об этом вспоминал их сын Кадыр, 1888 г.р. Он отмечал, что мать была больна и не могла сама кормить его, поэтому у него появилась кормилица-няня, к которой Кадыр очень сильно привязался впоследствии. «Ее я называл моей матерью и чуждался своих родителей, называя их, как называла и она, хозяевами. Я помню, как за это меня укоряли», – писал он. К.Губайдуллин характеризовал свою кормилицу как женщину «простую, честную, религиозную и неразговорчивую» и подчеркивал, что и сам усвоил эти черты [9, с.44].

Помимо кормилиц в состоятельных семействах были и няни. В конце XIX в. по-татарски их называли просто «*бала караучылар*» (смотрящие за ребенком). За это столетие немного изменились подходы к выбору таких помощниц. Сначала присматривали за детьми в качестве нянь одинокие старушки. Иногда родители (чаще один из родителей) временно оставляли у них своих детей даже на долгий срок. Это было похоже на практику русских крестьянок той поры, которые промышляли тем, что брали на «выкармливание» детей из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга. Например, оренбургский купец Габдулгани Хусаинов, 1839 г.р., был рожден во втором браке своего отца. После смерти матери, его и младшего брата Габдрахмана отдали временно одной старушке по имени Гульбагида из деревни Чебенле Оренбургской губернии. В этой деревне братья провели несколько лет, посещали местное медресе. Отец при этом проживал в Оренбурге [5, б.6–7]. Аналогичной была история раннего детства и у поэта Габдуллы Тукая, 1886 г.р. Он родился в деревне Кошлауч Казанского уезда в семье муллы. Его мать Мамдуда овдовела, когда ему было пять месяцев. Через какое-то время она вновь вышла замуж за муллу и уехала в деревню Сосна. Младенца мать оставила в Кошлауче, поручив его на попечение старушки по имени Шарифа [13, б.10].

Кроме такой практики, когда няня смотрела за младенцем у себя дома, были случаи работы няни непосредственно в доме работодателя. Например, в одной из своих назидательных работ, посвященной семье («Гаилә»), ученый Ризаэтдин Фахреддин рассуждал и о домашних помощниках. Татарский просветитель призывал крайне осторожно подходить к выбору нянь и довольно эмоционально сравнил негативное влияние домашних помощниц на детей с образом больного животного, которое способно заразить все стадо [14, б.86]. Интересно, что некоторые богатые городские семьи татар в это время предпочитали нанимать в качестве нянь деревенских женщин. Вероятно, это было связано с тем, что женщины из

городских мещанских слоев в силу маргинальных нравов вызывали мало доверия у татарских купцов.

Историк Газиз Губайдуллин тоже воспитывался няней – он упоминал о ней очень кратко. «Меня пугали в детстве “русскими”, особенно няня – деревенская женщина», – писал будущий ученый в 1910 г. [9, с.40]. Братья Газиз и Кадыр Губайдуллины были практически погодками. О роли нянь в их развитии они рассуждали в экзаменационных автобиографиях Казанской мужской гимназии, их нарративы рассказывали о культурной отсталости в начале пути и стремлении героя к просвещению. Образ няни, судя по всему, был необходим для подчеркивания остроты «темного царства», в котором пребывал герой в детстве. В целом, в начале XX в. прослеживается некое противопоставление образа темной няни и просвещенной матери. Например, в случае братьев Губайдуллиных образ матери в тех же сочинениях, безусловно, был связан не только с добротой и участием в жизни детей, но и с прогрессивным мышлением. В романе Г.Ибрагимова «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца»), опубликованном впервые в 1912 г., у главной героини Марьям, дочери мурзы, тоже была старушка-няня, которая знакомила ее «с темным и скрытым миром» [7, б.314]. Таким образом, с нянями-старушками ассоциировалась культурная отсталость, а мать присутствовала в рассказах как некий светлый образ, особенно если она рано умерла. Хотя и первая, и вторая женщина жили примерно в одинаковой среде, но, вероятно, с увеличением разрыва между традиционным укладом и модернизированным (буржуазным), эта разница стала ощутимой.

Такой же подход мы видим у Г.Тукая. Старушка Шарифа, судя по всему, присматривала за ним, когда ему было около одного-двух лет. Он ничего из этого жизненного опыта не запомнил, так как первые воспоминания человека относятся к возрасту от двух половиной до трех с половиной лет. Тем не менее, образ Шарифы как довольно жестокой няни сохранился в автобиографии поэта. Там есть эпизод о том, как она якобы оставляла малыша на улице, на морозе, и долго не пускала домой. Поэт и сам уточняет, что сам он этого не помнит и передает лишь слова каких-то очевидцев, жительниц этой деревни. При этом мать Тукая, освоившись на новом месте, забрала ребенка к себе, когда ему было около трех лет. Момент приезда в Сосну он запомнил, как довольно яркое событие в своей жизни [13, с.10–11]. В рассказе Тукая тоже есть определенный контраст: добрая мать, забравшая его, наконец, к себе, и такой же добрый отчим, а также бессердечная старушка-няня. Хотя по факту он был на попечении няни больше года в младенчестве, за это время не заболел и не умер; значит, уход за ним был не самым плохим.

В целом, в татарской культуре начала XX в. няни, за исключением автобиографии Тукая, оставались практически невидимыми фигурами. Это касалось не только письменного, но и визуального выражения. Например, сохранилось множество фотографий татарских детей начала XX в. (в основном это семьи купцов и интеллигенции), но среди данных источ-

ников практически нет снимков с нянями или с кормилицами. Возможно, это связано и с недостаточностью визуальных источников или является следствием нежелания самих нянь-старушек фотографироваться. Это еще предстоит выяснить с привлечением более широкой источниковой базы по этой проблематике. Вместе с тем фотографирование вошло в татарский обиход примерно одновременно с модернистской литературой и с педагогической публицистикой, где критиковалось все старое, в особенности традиции воспитания и ухода за детьми. В какой-то степени это сформировало в татарском сообществе начала XX в. условные границы между молодым поколением женщин, которых рассматривали как воспитанных матерей (*тәрбияле ана*), несущих ответственность за будущее нации (*милләт аналары*), и старшим поколением, в том числе нянь, привязанным к традициям. В более широком смысле этот межпоколенческий разрыв созвучен и с известным в научной литературе противостоянием джадидов (сторонников реформ в системе образования) и кадимистов (противников этих преобразований). Стоит подчеркнуть, что эти две группы всегда изучались лишь как мужские сообщества.

На рубеже XIX–XX вв. в какой-то момент стало, судя по всему, даже не модно доверять попечение малышей на женщин-татарок пожилого возраста. Более того, в татарских купеческих семьях появились няни Маши, Нади, «апайки Дуни», гувернантки Мэри, Эльзы и другие воспитательницы, т.е. не татарки. Такие няни и гувернантки нужны были для лучшего усвоения детьми русского и других языков. Эта тенденция начала проследиваться среди казанских купцов еще в конце 1860-х гг. Например, «...в последнее время, как исключение, появились у богатых татар гувернантки, от одной до трех, обучающих детей русскому, французскому и немецкому языкам», – писал А.Ф. Риттих в издании 1870 г. [3, с.329]. К началу XX в. такая практика встречалась и в купеческих семьях за пределами Казани. Например, в семье купца-миллионера Муллагали Яшueva, проживавшего в г. Троицке Оренбургской губернии, дети выучили с гувернанткой немецкий язык [15, с.32–35].

Интересно, что в татарской публицистике критике подвергались только взрослые няни-татарки. Например, Р.Фахреддин приводил рассуждения неизвестного автора-современника о состоянии общества, которое он сравнивал с дикостью лесных животных и обвинял в этом воспитателей. Именно последние, по мнению самого татарского просветителя, внушали детям разные «лживые вещи», «испорченные мысли и мечты» [14, б.87]. Журналистка Фатима-Фарида Наурузова (Вагапова), считала, что у татарских детей вовсе нет профессиональных нянь, как у «европейцев». Такие профессиональные воспитатели, по ее словам, получали жалованья за свою работу от 25 до 50 рублей. «Но разве у нас есть такие?» – вопрошала она в газете «Сибирия» в 1912 г. [16, б.62].

Между тем, публицисты обходили стороной еще одну повседневную практику татарских семей: при отсутствии бабушек или посторон-

них взрослых, за малышами присматривали их братья или сестры, или другие малолетние родственники. Например, вот рассказ учителя Хабиба Зайни, 1890 г.р., который рос в г. Троицке, в семье мещанина среднего достатка. Его мать время от времени просила присмотреть за малышом племянника мужа. Это как раз было связано с тем, что в семье не было бабушек. Молодая женщина отправляла 15–16-летнего мальчика на прогулку с ребенком, которому не было и года. При этом у него не было никаких приспособлений, вроде люльки или коляски, он выносил малыша на улицу на руках. В итоге, в возрасте 7 месяцев Хабиб получил травму головы, так как подросток запнулся и уронил ребенка⁴. Таким образом, малолетние помощники в деле ухода за малышами были не самым лучшим решением вопроса, поскольку они сами были детьми и не могли нести в полной мере ответственность за жизнь и здоровье младенцев. Тем не менее, девочки-подростки (*асрау кыз*), которых более-менее состоятельные семьи брали на воспитание и использовали для различной домашней работы, – это довольно расхожий образ в татарской повседневности начала XX в. Очевидно, эти помощницы-подростки привлекались и для присмотра за малышами.

Вероятно, именно из таких девочек-подростков выросла в итоге небольшая группа – молодых нянь-татарок. Некоторых из них мы можем видеть на фотографиях начала XX в. Например, в фондах Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ («Мирасхан») сохранилась фотография дочери казанского издателя Ахматгарая Хасани – Амины с няней, датируемая 1907 г. Есть похожие снимки и в частной коллекции Низами Ибраимова. Все это свидетельствует еще о том, что в силу разных факторов (урбанизация, распространение идей Просвещения и т.д.) уход и присмотр за детьми становился способом заработка для молодых девушек. Такое занятие требовало от них меньшей квалификации, в отличие, например, от профессии учительниц (мугаллима), но, как и работа в татарских женских школах, труд няни давал новые возможности для женской эмансипации.

Помимо домашних помощников в уходе за младенцами в период модернизации экономики империи появилась совершенно иная форма помощи матерям – это организация яслей. На рубеже XIX–XX вв. няни особенно были нужны работающим женщинам, а их со второй половины XIX в. становилось больше. Например, в Казани татарки из бедных семей устраивались на текстильные фабрики Алафузовых, мыловаренный завод Крестовниковых. Некоторые предприятия организовывали для младенцев работниц ясли. В Казани первое такое учреждение открылось при Алафузовской фабрике в 1900 г. Там содержались груднички от трехмесячного месячного возраста до 2-х лет, за рабочую смену матерей дважды отпус-

⁴ Зэйни Х. «Баштан кичкэннәр»дән истә калганнары. Беренче кисәк // Из личного архива И.Б. Зайни. Л.5.

кали покормить детей [4, с.196–197]. В годы Первой мировой войны детские сады возникали по инициативе благотворительных обществ в разных городах, для детей солдаток. Этот момент освещался и в татарской прессе тех лет [6].

Однако для большинства татарок передача ребенка в специальное детское учреждение все равно оставалась практикой, которая вызывала мало доверия. Например, после событий 1917–1920 гг. в Татарской АССР при женотделе открыли специальные татарские детские сады, часть татарок сопротивлялась этому начинанию, они не хотели отдавать туда своих детей. Активисткам Абруй Сайфи и Кояш Джаббаровой, а также Магруй Музаффарии предстояло провести огромную работу, прежде чем завоевать доверие матерей-татарок.

«Воспитательница» в татарском языке: поиски нового слова. В начале XX в. присмотр за детьми (*бала карау*), судя по всему, не рассматривался как трудовая деятельность с четким функционалом и фиксированной оплатой труда. Даже отсутствие какого-то отдельного термина (нянь продолжали называть «*бала караучы*») говорит о том, что еще не было четко выстроенных трудовых отношений в этой сфере. Поэтому для некоторых семей было проще нанять нетатарский персонал, который обеспечивал еще и новый языковой навык.

Интересно, что в татарской прессе тех лет традиционное обозначение «*бала караучы*» конца XIX в. пытались заменить другим словосочетанием. Так, в начале XX в. появляется слово «*мөрәббия*». Например, Габдулла Тукай в 1909 г. писал о своей воспитательнице-старушке (*мөрәббия карчыгым*) [13, б.10]. Фатима-Фарида Наурузова в 1912 г. упоминала о европейских гувернерах и гувернантках (*мөрәбби вә мөрәббияләр*) [16, б.262]. Наконец, в одной из газетных публикаций 1914 г., с подачи Фатиха Амирхана, мы видим словосочетание «*мөрәббия туташ*», где соединились турецкое обозначение гувернантки (*mürebbiye*) и татарское обращение к незамужним женщинам из образованных семей (*туташ*). Это был репортаж с детского праздника в казанском «Восточном клубе». При этом автор называл сопровождавших детей женщин (среди которых были и матери, и няни), как обычно, «смотрящие за ребенком» (*бала караучылар*). Праздник тогда посетили 243 ребенка и около 130 женщин. Кроме того, в числе организаторов праздника были 40 женщин от самого «Восточного клуба», именно они играли с детьми. Это были молодые девушки из татарских буржуазных семейств Казани, именно их Ф.Амирхан и называл «*мөрәббия туташлар*» [1, б.249]. Это было похоже на внедрение в татарский язык в тот период другого обозначения представительниц женского пола – «*шиәфкать туташы*» (сестра милосердия) [2]. Однако словосочетание «*мөрәббия туташ*» не закрепилось в татарской лексике. В советское время для обозначения воспитательниц в детских садах появилось слово «*тәрбияче*».

К слову, в раннесоветское время для обозначения яслей применяли словосочетание «*бала бишеге*» (детская колыбель), также в материалах тех лет употреблялось и выражение «*бала учагы*» (детский очаг) [6].

Выводы. Рубеж XIX–XX вв. – время столкновения традиций и новаций в воспитании детей в татарском обществе, и татарская интеллигенция была готова к переменам. Однако по истечении ста лет мы видим, что в традиционных предписаниях по уходу за младенцами на самом деле были и полезные моменты. Например, это постоянная связь матери с ребенком, грудное вскармливание по требованию, а не по режиму. Хотя и реформаторов с их стремлением к новой культуре тоже можно понять, они старались адаптировать европейские установки того времени. Но уже раннесоветский период показал, что критиковавшее накануне так называемую культурную отсталость старшего поколения, мечтавшее об образованных матерях и нянях, татарское сообщество не было готово к кардинальным переменам и резкому разрыву с традициями и привычным укладом. За этот короткий промежуток – несколько десятилетий рубежа XIX–XX вв. – так и не состоялся окончательный переход от традиционных координат к нормам буржуазного времени. Это отразилось, прежде всего, на татарском языке, где до сих пор нет определенного обозначения для слова «няня». Этот термин продолжают переводить как «*бала караучы*», т.е. смотрящий за ребенком. Между тем такую роль могут исполнять не только профессиональные помощники, но и ближайшие родственники. В целом, данный аспект татарской повседневности – уход за младенцами на рубеже XIX–XX вв., до внедрения советской практики охраны материнства и детства, изучен крайне слабо и еще требует дальнейших дополнений, насыщения фактами и освещения роли многих «невидимых фигур» прошлого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әмирхан Ф. Әсәрләр. Т.3. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 512 б.
2. Габдрафикова Л.Р. Исторические предпосылки возникновения понятия «сестра милосердия» в татарском языке // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.126–138. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138>
3. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 367 с.
4. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 276 с.
5. Гани бай / төз. М.Ф. Рәхимкулова. Оренбург, 1998. 259 б.
6. Зиннатуллина А.Ә. Татар балалар бакчаларының барлыкка килү алшартлары һәм беренче адымнары (XX нче гасырның беренче чиреге) // Историческая этнология. 2017. Т.2. №2. С.338–345.

7. *Ибраһимов Г.* Сайланма әсәрләр. Т.1. Казан: Таткнигоиздат, 1957. 528 б.
8. *Идрис И.* Тәрбияле ата яки тормыш дәресе / Басмага әзерләүчеләр А.Гайнетдинов, И.Низамиев. Казан: Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2019. 32 б.
9. «Приступая к своей биографии, не могу говорить только о себе...» (Автобиографии жителей г. Казани начала XX века) / отв. сост. С.Т. Рахимов, сост. О.В. Федотова. Казань, 2017. 135 с.
10. *Сухарев А.А.* Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1904. 195 с.
11. Татар тәрбиясе: Г.Биктимерия һәм Ф.Сөләймания хезмәтләрендә гаилә тәрбиясе мәсьәләләре / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2021. 232 б.
12. Татары / отв. ред.: Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. 2-е изд., доп., переработ. М.: Наука, 2017. 799 с.
13. *Тукай Г.* Әсәрләр. Т.5. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 368 б.
14. *Фәхреддин Р.* Гаилә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. Казан: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. 123 б.
15. *Чайчиц А.* Купцы Яушевы. Семейная история. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020. 83 с.
16. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жыйнагы) / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 09.01.2025

Принята к публикации 31.01.2025

Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in child care

L.R. Gabdrāfikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the everyday practices of Tatar families in the sphere of childhood. Traditional aspects of child care, conditioned by the Muslim worldview, are outlined. The author emphasizes that Tatars and outside observers had different views on the organization of child care. Educated Tatars were critical of their own traditions.

The article identifies the main domestic assistants in child care: wet nurses, nannies, older children; various strategies for choosing nannies, assessment of their work in ego-documents, age and ethnocultural features are analyzed. In addition, the article includes an episode related to the construction of new terms in pedagogy by Tatar publicists of the early 20th century.

Keywords: history of everyday life, history of childhood, nannies, Tatar language, history of the Tatars

Fot citation: Gabdrafikova L.R. Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in child care. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

REFERENCES

1. Amirkhan F. *Works*. Vol.3. Kazan: Tatar book Publ., 1989. 512 p. (In Tatar)
2. Gabdrafikova L.R. Historical prerequisites of the “Sister of Mercy” concept in Tatar language. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.126–138. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138> (In Russian)
3. Gabdrafikova L.R. *Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change (second half of the 19th – early 20th century)*. Kazan: Tatar book Publ., 2015. 367 p. (In Russian)
4. Gabdrafikova L.R., Izmailov B.I., Salikhov R.R. *Alafuzov’s company (second half of the 19th – early 20th centuries): industrial history of Russia*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 276 p. (In Russian)
5. *Gani bai*. Ed. by M.F. Rakhimkulova. Orenburg, 1998. 259 p. (In Tatar)
6. Zinnatullina A.A. Prerequisites of Emergence of the Tatar child care facilities and their first steps (the first quarter of the 20th century). *Historical Ethnology*. 2017, vol.2, no.2, pp.338–345. (In Tatar)
7. Ibragimov G. *Selected works*. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1957. 528 p. (In Tatar)
8. Idris I. *A well-mannered father or life lessons*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 32 p. (In Tatar)
9. “*Starting my biography, I cannot speak only about myself...*” (*autobiographies of residents of Kazan at the beginning of the 20th century*). Compiled by S.T. Rakhimov, O.V. Fedotova. Kazan, 2017. 135 p. (In Russian)
10. Sukharev A.A. *Kazan Tatars (Kazansky district)*. Experience of ethnographic and medical-anthropological research. St. Petersburg: P.P. Soikin Publ., 1904. 195 p. (In Russian)

11. *Tatar education: issues of family education in the works of F. Suleimani and G. Biktimiri*. Ed. by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 232 p. (In Tatar)

12. *Tatars*. Ed. by G.F. Gabdrakhmanova, V.V. Trepavlov, R.K. Urazmanova. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 2017. 799 p. (In Russian)

13. Tukay G. *Works*. Vol. 5. Kazan: Tatar book Publ., 1986. 368 p. (In Tatar)

14. Fakhreddin R. *Family. Well-mannered mother. Well-mannered woman*. Kazan, 2006. 123 p. (In Tatar)

15. Chaichits A. *The Yaushev merchants. Family history*. Kazan: Tatar book Publ., 2020. 83 p. (In Russian)

16. *Issues of female education in the Tatar press of the early 20th century*. Ed. by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Gabdrfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received January 9, 2025

Accepted for publication January 31, 2025